

Этнонациональные аспекты истории киевского подполья (1941-1943 гг.)

Слободянюк Николай Анатольевич

Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта, Украина

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: nikslobo@gmail.com

Аннотация. В статье на основе уже известных и впервые опубликованных архивных источников рассматриваются некоторые этнонациональные аспекты деятельности советского подполья города Киева. В частности, рассматриваются вопросы отношений с украинскими националистами и участие евреев в антифашистской борьбе советских подпольщиков. Особое внимание уделяется условиям и методам борьбы против оккупантов, судьбе отдельных участников подполья.

Ключевые слова: Киев, евреи, оккупация, подполье, националисты.

1. Евреи в киевском подполье

В начале Великой Отечественной войны многие жители Украины считали, что защита советской власти — это дело коммунистов и евреев, а простых людей это не касается, так как не соответствует их интересам. Лучше всего подобное отношение демонстрируют высказывания простых киевлян, многие из которых попали в архивы советских спецслужб благодаря доносам информаторов. Проживавшая по ул. Юрковской Евгения Артемьевна Гольшевская оценила угрозу захвата Киева германской армией следующим образом: «Мое мнение, что русским и украинцам уезжать из Киева не следует, так как вместе с немцами придут украинцы и будет Гетман... До сих пор

русские и евреи не давали жить украинцам, захватив себе все лучшее»¹. Подобные настроения выразила и киевлянка С. Ф. Зеленская: «Немцы – культурный народ и бояться их надо только евреям и коммунистам, а остальным нужно спокойно ждать»². Весьма показательными стали слова связной запасного подпольного горкома «Матрены». После вступления в Киев немцев она категорически отказалась работать в подполье, заявив, что это «жидовская лавочка», которая занимается дурью³. Следует отметить, что подобные настроения были присущи не только Украине и Киеву. Современный российский исследователь А. Посадский приводит несколько примеров антисоветских и антиеврейских настроений в неоккупированной российской глубинке осенью 1941 г.⁴

С приходом немцев и при их подстрекательстве такие настроения выплеснулись на киевские улицы. По свидетельству секретаря Петровского подпольного райкома И. Скляренко это происходило так: «Я сам был очевидцем такого факта: идет по улице еврей и сразу, конечно, не видно, что это еврей, но кто-то его узнает и кричит «жид», за ним бегут, догоняют, начинают избивать. Так было вначале, а сейчас многие поняли, что мы еще сильны. Тогда спешили выслужиться перед новой властью. Или другой факт: я ехал рано утром на Куреневку вместе с рабочими, стоит русская женщина и вдруг заявляет – вон пошел жид. Полицейский сразу выскочил, догнал, схватил за шиворот, женщина подбежала, закричала – он, он, его полицейский ударил по затылку и повел в полицию. Немцы, конечно, долго бы искали этого еврея, и может быть не нашли бы, так наши помогли. Многие, конечно, на этом нажились – разбарахололи имущество евреев и коммунистов»⁵.

Несмотря на подогреваемые немцами антисемитские настроения, многие киевляне, рискуя собственной жизнью, помогали евреям избежать расстрела, прятали их в своих жилищах, помогали достать фальшивые документы, принимали еврейских детей в свои семьи. По информации связного ЦК КП(б)У А. Левченко, неизвестная украинка прятала у себя евреев: «Как раз это ни в

какой мере нельзя отнести к той женщине управдому, которая мне помогла прописаться, устроиться с жильем и работой. Мне еще Борис Платонович говорил, что опасаться этой женщины не следует, так как она вполне наш человек. Он мне рассказал, что она скрывает одну еврейскую семью не то у себя, не то где то на квартире. По национальности она украинка»⁶.

По Киеву ходили слухи, что немцы поначалу хотели устроить для киевских евреев гетто на Куреневке. Однако, согласно этим слухам, после взрывов на Крещатике, в которых немцы обвиняли и евреев, ими было принято решение о полном и немедленном уничтожении всего еврейского населения не только Киева, но и других недавно оккупированных районов Украины⁷.

После Бабьего Яра посчастливилось выжить Семену Григорьевичу Сатановскому: «Очутившись в окружении 22 сентября 1941 г. я попал в плен и был направлен в лагерь в гор. Борисполь. Там я пробыл три дня, откуда бежал в гор. Киев. Находясь в гор. Киеве без всяких документов и средств к существованию, я скитался дня 3-4 по всевозможным закоулкам. После всех этих страданий меня схватили и погнали в Бабий Яр. Это происходило 29 сентября 1941 года. Когда меня подвели к яме, где расстреливали евреев, я начал говорить, что я украинец и попал по ошибке, что я подносил евреям вещи, и меня немцы вместе с евреями привезли сюда. Мне поверили и отвели в сторону. Через некоторое время приехал немец, доктор Босс, которому я также все это рассказал, он мне также поверил на слово и забрал меня с собой и... устроил на работу при школе, куда свозили еврейские вещи для раздачи их фольксдойчам. Вначале я работал там рабочим, а после бригадиром, там же я достал себе документы на имя Ткаченко Семена Павловича, на работу старался устраивать украинцев, вещи старался в большинстве случаев раздавать украинцам и пленным. В октябре месяце 1941 г. стал жить с тов. Пеленчук Марией Александровной...»⁸. Впоследствии Сатановский стал участником подпольной группы В. П. Назаренко.

Несколько примеров помощи киевским евреям со стороны украинского населения, и даже полицаев, приводит А. Прусин⁹. В последние годы получили известность факты спасения евреев настоятелем Покровской православной церкви на Подоле Алексеем Александровичем Глаголевым, его женой Татьяной Павловной и их детьми-подростками Магдалиной и Николаем. В октябре 1941 г. свояченица А. Глаголева Мария Егорычева попросила семью священника помочь своей невестке, еврейке Изабелле Миркиной укрыться от нацистов. Татьяна Глаголева отдала Миркиной свой паспорт. Благодаря этому Миркина смогла покинуть Киев и какое-то время прожить в селе. Однако, в конце ноября Миркина, чувствуя опасность, вернулась в Киев. Глаголевы поселили Изабеллу и ее двухлетнюю дочь у себя как своих родственников. До самого освобождения Киева Красной Армией Миркины жили в церковной усадьбе по адресу ул. Покровская 7. Кроме этого, отец Алексей оформил церковные метрические записи на жену Дмитрия Пасечного Полину и его тещу Евгению Шевелеву. Много усилий, правда неудачных, приложили Глаголевы для спасения крещеных евреев Николая и Людмилы Гермайзе и их сына Юрия. 12 сентября 1991 г. Алексей, Татьяна и Магдалина Глаголевы, а 8 октября 2000 г. Николай Глаголев были удостоены звания Праведник народов мира¹⁰.

Курс нацистов на полное уничтожение евреев сделал их надежной социальной опорой советского Сопротивления. Членами киевского подполья также были евреи С. Пекер, С. Линько, В. Письменный, В. Либерман, О. Светличная, Т. Маркус, Л. Дисина, Л. Шрайбман-Гуменюк и др. Евреем по национальности был секретарь запасного подпольного горкома Киева С. Бруз. Бруз проявил себя как активный и непримиримый борец с врагом. При попытке его ареста гестаповцами, Бруз ранил в шею предателя И. Кучеренко, а затем застрелился¹¹.

В середине 1942 г. к борьбе с захватчиками присоединилась Ольга Моисеевна Светличная, в девичестве Голда Моисеевна Азрилевич. Ее муж Василий Светличный был военным летчиком, а Ольга осталась в Киеве с двумя

малолетними детьми. Опасаясь доноса, Светличной пришлось выйти на улицу и назваться «погорелицей». Местные власти предоставили ей квартиру в доме, где на первом этаже жил голова Ярославской управы города, а по соседству — полицаи. Чтобы прокормиться, Ольга начала печь пирожки, булочки и торговать ими на Евбазе (Еврейском базаре), на месте нынешней площади Победы. Там она познакомилась с Б. Петрушко и была вовлечена в подпольную организацию Железнодорожного района.

Чтобы скрыть ее еврейское происхождение, подпольщики сфабриковали Ольге документ за подписью священника и церковной печатью, в котором говорилось, что Светличная является православной и крестилась в такой-то церкви. Также для большей убедительности ей предложили «выкрестить» детей: дочку двух лет и сына четырех лет. Легальным занятием Светличной была выпечка и продажа коржиков и пирожков на Галицком базаре. Главным же ее заданием было содержание конспиративной квартиры¹².

Именно в квартире Светличной по ул. Короленко 84, кв. 11 с сентября 1942 по сентябрь 1943 г. происходили все заседания Железнодорожного подпольного райкома. Член бюро этого райкома Г. Мироничев давал ей самые положительные характеристики: «Светличная, не щадя своей жизни и жизни своих детей, вся отдавалась подпольной работе, делу партии Ленина-Сталина... даже в момент ареста поведение ее было патриотическое... Светличная постучала в дверь. Я открыл. Она обрадовалась и говорит: «Крепостей, которых бы большевики не взяли, нет». Моими соседями были полицаи, и я ей сказал об этом. Но Светличная засмеялась и сказала, что ничего не будет. Я как-то несколько раз говорил ей о смерти. «Ну что ж, — говорила она, — если дети останутся живы, будут мстить за свою мать. Их воспитает Родина». Светличная была наилучшая связная, это была наша героиня»¹³. Правда, такое поведение выглядит не столько как героизм, сколько как беспечность.

Героиня была арестована абвером 29 октября 1943 года, подвергалась допросам и избиениям, а 5 ноября, накануне освобождения Киева советскими

войсками, в числе нескольких арестованных подпольщиков была почему-то выпущена из-под стражи, в то время как другие подпольщики были расстреляны. Это вызвало подозрения у НКГБ СССР, и в «Справке по расследованию причин провалов партийного подполья в гор. Киеве и областях УССР» отмечалось, что «в отношении Светличной собрано достаточно материалов о ее предательской деятельности. Вопрос стоит об аресте Светличной»¹⁴. Насколько известно, Светличная все-таки не была арестована, но «осадок остался».

Даже не смотря на позитивную статью об Ольге Светличной в газете «Известия», ходатайства в 60-70-е годы ее воспитателя в детском доме Иосифа Чверткина в Верховный Совет УССР о награждении Светличной орденом Отечественной войны ответа не получили. Уже в независимой Украине группа бывших партизан обратилась в Комиссию по делам бывших партизан при Верховной Раде Украины с ходатайством о награждении О. Светличной. В мае 1998 г. президент Украины Л. Кучма вручил Ольге Моисеевне орден Княгини Ольги¹⁵.

Бывший работник Киевского горсовета и еврей по национальности Соломон Пекер принимал участие в обороне Киева, попал в окружение и вернулся в Киев. Там он связался с подпольщиками Д. Лисовцом и П. Четвертяковым. Они стали регулярно слушать по радио сообщения Совинформбюро, печатали листовки, подделывали различные оккупационные документы¹⁶. Кроме того, С. Пекер проводил устную агитационную работу среди киевлян. В этом деле он проявил недюжинную смекалку в маскировке и своеобразный юмор. С его слов это происходило следующим образом:

«У меня была большая седая борода, как у Карла Маркса. До войны я не был седой, во время этих событий поседел. Волосы были длинные, как у попа, черные очки, посох. Носил свитку, как монахи носят, рваные сапоги были.

Брал Библию и по-маленечку с палочкой шел на базар. Усаживался возле какой-нибудь будки, где больше собирается народ. Сажусь, раскрываю

Библию и начинаю читать... Мне не важно было что читать, мне важно было, чтобы видели, что я читаю Библию. Когда народ соберется, я начинаю читать молитвы: «Отче наш», «Верую во единого Бога», «Десять заповедей». Читал и крестился.

Когда публика около меня соберется, я начинаю говорить: «Люди добрые, что делается на белом свете от того, что вы бросили верить в Бога. От Бога не убежите. Отцы и матери, от того, что даете врагу проливать нашу кровь, от того, что не жалеете ни бедных, ни несчастных, ни калек, от того, что даете на растерзание невинных людей, Бог будет гневаться все больше и больше. Пропадет тот человек, который прольет кровь невинных».

Когда я читал, возле меня ходили наши люди. В случае опасности был установлен сигнал – кашлянуть. Когда я слышу кашель, я перестаю об этом говорить, начинаю что-нибудь другое. Когда вижу, что вокруг полицейских нет, я опять начинаю свои песни. «Близок час расплаты с теми, кто проливает человеческую кровь, близок час освобождения от тех людей, которые проливают нашу кровь...».

Клади мне яички, хлеб, все что хотите. Я, бывало, приношу домой сотни две денег, яички, хлеб и прочее. Собирались в большинстве старики и женщины. Слышны были вздохи. Я крещусь, и они крестятся. Я видел, что сочувствие было большое. Особенно большой успех был в предпраздничные дни. На Пасху принес шестьдесят яиц домой. Я чувствовал себя удовлетворенным, что я мог войти в массу и мог людям рассказать, что делается и в массе вызвать сочувствие...

...Был такой случай. Когда мы начали печатать листовки, я получил задание эти листовки раздать на базаре. Я пошел на еврейский базар, сел возле часовни вроде нищего, разбросал эти листовки вокруг себя и ушел. Поднялся ветер, эти листовочки по базару разлетелись. Публика поднимает ...

Мы решили пойти в село и там проповедовать, что нужно. Я опять палочку в руки... Как только остановка, я начинаю читать Евангелие, всякие

изречения. Тогда уже масса иначе относилась. Раскрывали рты, когда я говорил о советской власти... Тогда мои проповеди имели колоссальнейшую силу. Я рассказывал про советскую власть, про Москву. В последнее время наши победы были колоссальные. Все эти сводки прямо врезались в голову. Рассказывал про Харьков, про Курск».

«Три раза попался. Один раз я был неосторожен. Когда читал, упомянул советскую власть, что «единственная власть на которую Бог не гневается – это советская власть»... После этого подошел ко мне молодой человек лет двадцати пяти, одетый прилично. «Дедушка, идите сюда!» Вывел меня из толпы. «Покажите ваши документы?» – «Документы может проверить Бог, а не вы, вы гражданский человек. Вот мои документы», – показываю на Библию.

– Вы из какого монастыря или вы просто коммунист?

– Единственный мой документ – это книжка Божия.

– Нет, ваши документы?

Начинаю копошиться. Вынимаю паспорт. В паспорте у меня было написано 1875 года рождения... Посмотрел. Паспорт у меня был вполне хороший. По паспорту я значился... Василий Константинович Иваненко.

– Еще какие документы?

– Метрика еще есть...

Показал. Умышленно вытащил бумагу, что я судился за антисемитизм. Когда я ему передавал метрику, из метрики эта бумага выпала. Он схватил эту бумагу. Читает: «Иваненко... Василий Константинович в таком-то году осужден Севастопольским военным судом на пять лет за агитацию против советской власти и за антисемитизм».

– Вы судились?

– Судился. Наказывали безбожники, неверующие в Бога. Нас святых судили.

– За что?

– За правду.

- А ну сними очки. Пойдем в район.
- Пойдем, а бить не будете, а то вы бьете.
- Бить не будем.

Повел меня по Шулявской улице в полицию. Там был следователь, проверил мои документы. Отпустили. Таких было три случая. Один раз они меня сбросили с лестницы, но не били. К старикам относились более или менее снисходительно. Кроме того, я всегда носил при себе Библию, всегда старался, чтобы крестик выпал как бы нечаянно, всегда икона была у меня. Отделялся более или менее благополучно.

Когда он прочел эту записку, говорит: «Иди дедушка, раз жывив не любишь, иди домой»¹⁷.

Яркой участницей подполья была Татьяна Маркус. В отчете Киевского подпольного горкома КП(б)У о ней было сказано так: «Смелая, бесстрашная комсомолка... активная участница истребительно-подрывной организации, самолично уничтожила десятки немецких солдат и офицеров, предателей, путем удушения и отравления. Выполняла самые ответственные задания организации по подготовке диверсий...»¹⁸.

В конце сентября 1941 года подпольный горком партии создал штаб диверсионно-подрывной деятельности. Возглавил его член подпольного горкома В. Кудряшов. В состав штаба вошли члены Железнодорожного райкома партии Г. Левицкий и И. Сикорский и Т. Маркус. В октябре 1941 г. в него были дополнительно введены коммунисты С. Пащенко, Ф. Ревуцкий и комсомолец А. Горобец. Одной из важных задач этого штаба было проведение террористических актов.

Участники террористической группы использовали Татьяну Маркус для завлечения жертв. Татьяна отличалась смелостью и рискованностью и лично убила трех гестаповцев. В частности по приказу Ивана Пятницкого Т. Маркус во время свидания застрелила директора пивзавода и агента гестапо Мироновича. Один из руководителей киевского подполья Бронислава

Петрушко рассказывала об этом эпизоде так: «Таня Маркус была очень красивой 19-летней девушкой. Хотя она и еврейка, но на еврейку не похожа. Мы дали ей задание познакомиться с ним во что бы то ни стало... Мы решили, что в то время, когда он придет с работы, Таня пройдет мимо его дома и заговорит с ним или что-нибудь попросит и таким образом познакомится... Через 5-10 минут после того, как он приехал домой, она пошла к нему, позвонила... и начала спрашивать другую фамилию. Он ответил, что такого здесь нет. Как же, сказала она, у меня ведь адрес, в общем поговорили, она начала ему глазки строить и они познакомились. Ну, в первый вечер ничего не вышло, а на второй она попала к нему в дом. Она была у него, кажется, два вечера, переночевала... Переночевав у него, она... опять пришла, любезничала, они целовались, обнимались, наконец она сказала: «Что ты все играть, да играть, я кушать хочу»... он ответил – сию минутку. Пошел во вторую комнату и начал готовить к столу. Она достала из сумочки пистолет, подошла к нему, он в это время резал хлеб, обняла его одной рукой, второй вынула пистолет, поднесла к нему и выстрелила прямо в висок»¹⁹.

После ряда успешных терактов, нацисты начали усиленные поиски Т. Маркус и ее товарищей по террористической группе. Остаться в городе было для членов этой группы слишком опасным, и трое из них, Александр Фалько, Александр Горобец и Татьяна Маркус, попытались на лодке переплыть Днепр и уйти к партизанам на Черниговщину. Однако, подпольщики попали в засаду, и в августе 1942 г. Маркус и Горобец были задержаны, а Фалько удалось скрыться. В гестаповских застенках Татьяну подвергали ужасным пыткам, но Маркус вела себя стойко, никого не выдала и была расстреляна. В 2006 г. Т. Маркус посмертно присвоено звание Героя Украины. Она стала единственной женщиной за годы независимости Украины, которая получила это звание за боевые заслуги²⁰.

2. Отношения с националистами

Как и большевики, националисты (в городе Киеве это были преимущественно не бандеровцы, а мельниковцы), проникали в оккупационные органы власти и другие учреждения. В начале оккупации членам ОУН А.Мельника удалось сформировать городскую управу, полицию, создать в Киеве структуры Украинского Красного Креста и взять под свой контроль Союз писателей, газету «Українське Слово», многие культурно-образовательные, хозяйственные и экономические объекты города. По мнению Тараса Курыло, украинские националисты Киева объединились и проводили свою работу вокруг трех основных центров: городской управы, Автокефальной Православной Церкви и высших учебных заведений города²¹.

С одной стороны мельниковцы демонстрировали лояльность к немцам, а с другой проводили деятельность (в том числе нелегальную), направленную на создание украинского государства, что явно не входило в планы захватчиков. Обеспокоенные деятельностью ОУН Мельника, нацисты с декабря 1941 года начали аресты и расстрелы украинских националистов. До марта 1942 г. легальные и подпольные структуры мельниковцев были практически разгромлены.

Обстоятельства военного времени затрудняли установление принадлежности тех или иных лиц к коллаборантам либо подпольщикам-оуновцам. Из документов видно, что большевики (иногда сознательно, иногда по неведению), сообщая о националистах, не проводили границы между украинскими националистами и украинскими полицаями, которые носили на рукаве желто-голубую повязку, могли говорить по-украински, но были обычными коллаборационистами и не имели никакого отношения к националистическому подполью. Тем более, при контактах с оуновцами советские подпольщики не утруждали себя выяснением того, к какой фракции ОУН принадлежат эти люди: к ОУН Мельника или ОУН Бандеры.

Ниже приводится документ, в котором как раз трудно однозначно установить, о ком идет речь, о коллаборационистах или националистах, о бандеровцах или мельниковцах. Тем не менее, этот документ помогает осознать атмосферу соперничества между просоветски и националистически настроенными группами населения: «Одновременно мною было доложено о тяжелейших невыносимых условиях и обстановки в Ружинском, Попельнянском и Вчорайшанском р-нах [Житомирская область – Авт.], так как эти районы являлись местом сосредоточения всего сброда украинских западноукраинских националистов [так в тексте – Авт.] после того, как они были разгромлены немецким гестапо. Работать нам в эти условиях было очень трудно и рискованно, так как все ответственные должности начиная с сельского и кончая районным руководством были заняты националистами. Эти националисты все средства борьбы повели против советского актива, тем более против членов партии, как факт в Верховне банда националистов... захватила спущенных советских парашютистов в Коробчичеве и сдали их немецкому Гестапо. Они же арестовали нашего подпольщика тов. Рыбак, сдали его в Гестапо... При обсуждении работы в этих районах я выразил свое мнение, что там можно держать только подпольные диверсионно-террористические группы, а людей завербованных в партизанские отряды вывозить из националистических районов в советские районы, как Макаров, Малин, Бородеянка, Иванков и др. [преимущественно Киевская область – Авт.] Соображения мои были таковы, что если бы мы начали восстание, то надо было бы уничтожить всех националистов, а немецкая пропаганда использовала бы этот факт... что партизаны уничтожают украинское население. В одной Макаровке было около 250 семейств украинских националистов... По прибытии начальника санитарной части тов. Мулихина из разведки, я вместе с Дивониным имел встречу в Андрушках. Мулихин решил зайти по делу в с. Паволочь, где провокатор, голова колгоспу «Маяк» с бандой националистов

схватил Мулихина, сильно избили и в полумертвом состоянии положили на воз и доставили в Гестапо. Тов. Мулихин был расстрелян»²².

Несмотря на немецкие репрессии, с мая 1942 г. в отчетах немецкой полиции снова отмечается активизация националистов. В частности, отмечалось, что оуновцы проникают в органы местного самоуправления, церковные структуры, учебные заведения, редакции легальных периодических изданий и информационных служб, которые используют для своей агитации. Свои главные усилия они направляли на привлечение интеллигенции и молодежи. В немецких отчетах указывалось, что под заметным влиянием мельниковцев в Киеве находился педагогический институт, а также «Научный кружок», созданный якобы для научных исследований, а на самом деле занимавшийся националистической и антинацистской пропагандой. Причем главной темой антинацистской агитации становится призыв к уклонению от отправки рабочей силы в Германию.

Отношение советской власти и, соответственно, советского подполья к украинским националистам было однозначно негативным. Одной из задач, стоявших перед коммунистами-подпольщиками, был сбор информации о националистическом движении, составление списков националистов, а также их физическое уничтожение. Например, один из составленных киевскими подпольщиками списков членов Организации украинских националистов (ОУН) после освобождения Киева частями Красной Армии в ноябре 1943 г. был передан начальнику «Смерша» 63-й стрелковой дивизии подполковнику Кутяпкину. Согласно этого списка было арестовано около 30 подозреваемых в национализме²³. Именно как националиста террористическая группа подпольного горкома компартии 29 ноября 1941 г. убила киевского профессора Ревуцкого²⁴.

Идеологические битвы между большевиками и националистами проходили в гидромелиоративном институте. В отчете о подпольной работе Сталинского райкома партии и в показаниях участника событий А. Подвласова

это столкновение описывается так: «В то время в Гидромелиоративном институте распространилось националистическое влияние студентов, приехавших из Западной Украины. Во главе со студентом первого курса Омельчуком, эта группа пыталась завоевать студенческую молодежь, призывая ее бороться за создание украинской националистической власти. Их девиз был – «Против немцев и против советов, за свободную и независимую Украину». Группа комсомольцев под руководством Подвласова и Кожемяки [из восьми человек – Авт.] организовала борьбу против националистов-западников, разъясняя молодежи вредность националистических взглядов...²⁵

Некоторое количество студентов... поддалось на эту удочку и участвовало в их вечеринках. Мы не замедлили послать туда людей, чтобы знать, чем же они привлекают массы. Когда наши люди побывали там, мы увидели, что борьба с ними будет нелегкая, но и не тяжелая. Серьезные студенты только лишь прислушивались к ним, но за ними не пошли, на их вечера не ходили. Ходили туда девушки, искательницы легких приключений... Вечеринки они устраивали на частных квартирах, с танцами, выпивкой, легкой закуской изысканного вида, и под шумок велись разговоры, как было бы хорошо, если бы не было немцев, а свои «украинские власти»... Начали делать так: прежде всего стали разъяснять в частных разговорах с группами студентов, что... эти западные украинцы мало чем отличаются от немцев, что если бы не было немецкого фашизма, так был бы украинский фашизм, который бы также расстрелял всех украинцев, и не пожалел бы и украинцев советской ориентировки. Пришлось раздобыть из библиотеки института... книгу товарища Сталина: «Марксизм и национальный вопрос», там есть статья о скрипниковщине... Идейная подготовка в этом отношении у нас была очень слабая, мы не знали деловой сути украинского национализма...

Не замедлил представиться случай, который мы использовали, чтобы дать им генеральный бой... 1-го января 1943 года. Группа студентов выразила такую мысль, что не плохо было бы потанцевать, устроить что-то вроде елки... мы

решили, что в особых целях этот вечер нам пригодится. Роли были распределены точно; кто, где садился в зале, чтобы наша прослойка была везде... Стычка произошла в таких условиях, что о ней трудно даже рассказать. Танцевали. В одном углу украинская группа затянула гимн «Ще не вмерла України». Тогда один комсомолец подходит к пианино и начинает играть фокстрот «Му-му», и все пошли танцевать. Таким образом, сорвалась их попытка взять гимном торжественную тишину... Тогда один из этой группы подбегает к играющему и захлопывает крышку пианино по его рукам. Со словами: «Тут московські пісні нічого грати – більшовицькі наймити». В это время раздается звонкий девичий голос: «Кто из нас наймиты и чьи еще неизвестно». Я до сих пор не знаю, кто это сказал. Водворилась мертвая тишина... Чувствовалось, что вот-вот он ударит того, что играл. Тогда я подошел к ним и сказал: давайте выйдем в коридор и поговорим спокойно... Они вышли и я вышел. Я оказался припертым к перилам. Я не боялся, что они меня ударят, но ощущение было неприятное. Я говорю: что ты хочешь. Они говорят: «Чтобы здесь не было большевистской агитации». Я говорю: «Разве корова это большевистская агитация». «Почему же вы не пели наш гимн». Я говорю, что мы его никогда не слышали, хоть я украинец и люблю свою родину. «Какой же ты украинец, если ты был под большевиками». Тогда я ответил: «Кто же украинцы – большинство ли, которые жили здесь или кучка, которая жила в лесах [в] западных областях»... Они не выдержали, махнули рукой и пошли. Я вошел в зал. Одна группа пела «Москва майская», на пианино играли «му-му»... После этого вечера почувствовалось отчуждение этой группы студентов. Если до сих пор они были «хорошими и милыми со всеми», то теперь даже стул девушке не уступали, если она не их круга»²⁶.

Несмотря на крайнюю взаимную враждебность, реалии «нового порядка», тяжелые условия существования как советского, так и националистического подполья вносили в эти отношения некоторые коррективы, заставляя и тех, и других проявлять гибкость, мирно сосуществовать и в отдельных случаях даже

сотрудничать друг с другом. Донесения двух советских подпольщиц-связных упоминают о связях коммунистов и националистов: «Гейко до мозга костей националист. Там их целая группа, с которой мы также немножко связались»²⁷. «Когда только немцы вошли в Киев, то появилось много украинских националистов, которые мечтали о «самостийной» Украине. Немцы их разгромили, большинство этих самостийников были расстреляны. Сейчас многие из них присоединяются к нашим и готовы даже идти в партизаны»²⁸.

НКГБ УССР после войны установило, что членом подпольной партийной группы системы Подольского райжилуправления был начальник отдела горжилуправления Матяшевич, который являлся «активным националистом». В связях с неким «Киевским националистическим центром» обвинялся член КП(б)У, бывший чекист, организатор и руководитель подпольной группы на заводе имени Дзержинского Борис Загорный²⁹. Судя по его показаниям, и другие члены разветвленной советской подпольной организации «Смерть немецким оккупантам», включая ее руководителя Г. С. Кочубея, имели контакты с националистами³⁰. Нельзя также исключать, что и в оуновское подполье проникали просоветски настроенные элементы.

Руководитель диверсионной группы НКВД И. Кудря случайно встретил в Киеве выходца из Западной Украины некоего Степана (фамилия неизвестна), который до войны был арестован как украинский националист, а следствие по его делу вел Кудря. Теперь этот человек работал переводчиком у шефа полевого гестапо. Степан узнал Кудрю, понял, что он находится в тылу немцев неспроста, и мог его выдать. Однако, Степан сказал: «я Вас могу сейчас выдать, но я этого не сделаю... У немцев я работаю, но не на пользу их, а на пользу нашего дела». Трудно сказать, по идейным соображениям или по другим мотивам, но Степан не только не выдал Кудрю, но и предоставлял ему важную секретную информацию³¹.

Водораздел между двумя идеологическими антагонистами иногда пролегал прямо через семьи. Так, Петр Ионович Перевертун, уроженец

Киевской области, был членом партии и помощником начальника оперативного отдела штаба 10-й танковой дивизии. После немецкого плена вернулся в Киев и стал участником советского подполья. По направлению Г. Голеца ушел в партизаны, был назначен командиром Киевского, а затем Ленинского партизанского отряда. А вот его брат Григорий Перевертун, беспартийный, до войны работал бухгалтером столовой на заводе «Ленинская кузница», принадлежал к ОУН Мельника. При немцах он стал председателем оргбюро Вукоопспилки (Всеукраинской кооперативной спилки – легальной кооперативной организации при немцах) в Киеве. Эта организация стала одним из центров деятельности мельниковцев.

Кроме того, Григорий приютил брата в своей квартире, выделив ему отдельную комнату, куда часто приходили участники большевистского подполья. То есть, фактически, квартира украинского националиста стала явочной квартирой большевистского подполья. Григорий несколько раз помогал советским подпольщикам необходимыми продуктами и документами, позволял брату и его соратникам слушать советские радиостанции на своем приемнике. 2 марта 1943 года Григорий Перевертун был арестован нацистами и вскоре расстрелян. Его брат Петр скрывался на разных квартирах в Киеве, а затем ушел к партизанам. По мнению Петра, он был повинен в гибели брата Григория, так как гестапо вышло на их квартиру из-за его деятельности в советском подполье. После возвращения советской власти Петр Перевертун вынужден был отчитаться не только о своей деятельности во время оккупации, но и давать показания о своем брате³².

Заключение. Таким образом, национальные отношения оказывали заметное влияние на деятельность подпольщиков. В борьбе за влияние на местное население советское подполье вступило в идеологическое, а иногда и вооруженное, противостояние с Организацией украинских националистов. Однако, экстремальные условия оккупации, немецкие репрессии принуждали коммунистов и националистов идти на определенные формы взаимодействия.

Подводя итоги, следует отметить, что вследствие трагедии Бабьего Яра количество советских подпольщиков еврейской национальности было невелико. Вместе с тем, в борьбе с фашистами они продемонстрировали активность, отличались смелостью и находчивостью. Своей борьбой они вписали героическую страницу в общую историю города-героя Киева.

Література

¹ Бажан О. Суспільні настрої в Українській РСР у перші дні Великої Вітчизняної війни (за документами Галузевого державного архіву Служби безпеки України) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2011. № 2. С. 16.

² Київ у дні нацистської навали: За документами радянських спецслужб: До 60-річчя визволення України від гітлерівських загарбників: Зб. док. та матеріалів. К., Львів: Б. в., 2003. С. 158.

³ Сообщение тов. Громыки Павла Тимофеевича о подпольной работе, проводимой им в тылу противника. 7.02.1944 г. Центральний державний архів громадських об'єднань України (далее – ЦДАГОУ). Ф. 1, оп. 22, спр. 353, арк. 119.

⁴ Посадский А. В. Крестьянство по обе линии фронта: к проблеме изучения // Страницы Великой Отечественной... (к 60-летию Победы). Доклады академии военных наук. 2005. №3(15). С. 191.

⁵ Информация Скляренко Ивана Кузьмича о состоянии подпольных парторганизаций в г. Киеве. 28.08.1943 г. ЦДАГОУ. Ф. 1, оп. 22, спр. 369, арк. 250.

⁶ Стенограмма информации связного ЦК КП(б)У Левченко Антона Филаретовича. Саратов, 16 августа 1942 г. ЦДАГОУ. Ф. 1, оп. 22, спр. 119, арк. 300.

⁷ Гуменна Д. Хрещатий Яр (Київ 1941-43). Роман-хроніка. Нью-Йорк: Слово, 1956. С. 195.

⁸ Сатановский Семен Григорьевич. Краткий отчет о моей подпольной работе в боевой группе тов. Назаренко В.П. ЦДАГОУ. Ф. 1, оп. 22, спр. 312, арк. 147-150.

⁹ Прусин А. Украинская полиция и Холокост в генеральном округе Киев, 1941-1943: действия и мотивации // Голокост і сучасність. Науковий журнал. 2007. № 1. С. 51-52.

¹⁰ Праведники народов мира. Избранные истории. Как могли помогали евреям. Алексей и Татьяна Глаголевы и их дети Магдалина и Николай (Украина): [Электрон. ресурс]. / http://www1.yadvashem.org/yv/ru/righteous/stories_glagolev.asp (Дата обращения 19.11.2012 г.).

¹¹ Сообщение тов. Громыки Павла Тимофеевича о подпольной работе, проводимой им в тылу противника. 7.02.1944 г. ЦДАГОУ. Ф. 1, оп. 22, спр. 353, арк. 117.

¹² Елисаветский С. Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941-1944). Партизанское движение в Украине в годы Великой Отечественной войны // Єврейський опір в Україні в період Голокосту. Зб. наук. ст. / Під ред. М. І. Тягло. Дніпропетровськ; Запоріжжя: Ткума, 2004. С. 107.

¹³ Стенограмма беседы с Мироничевым Георгием Павловичем, бывш. членом бюро и вторым секретарем подпольного Железнодорожного райкома КП(б)У г. Киева, 10 марта 1947 г. ЦДАГОУ. Ф. 166, оп. 2, спр. 344, арк. 17.

¹⁴ Маслов, зам. начальника отдела управления НКГБ УССР. Справка по расследованию причин провалов партийного подполья в гор. Киеве и областях УССР. Киев, 5 мая 1945 г. ЦДАГОУ. Ф. 1, оп. 22, спр. 11, арк. 112.

¹⁵ Елисаветский С. Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941-1944). Партизанское движение в Украине в годы Великой Отечественной войны // Єврейський опір в Україні в період Голокосту.

Зб. наук. ст. / Під ред. М. І. Тягло. Дніпропетровськ; Запоріжжя: Ткума, 2004. С. 109.

¹⁶ Елисаветский С. Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941-1944). Партизанское движение в Украине в годы Великой Отечественной войны // Єврейський опір в Україні в період Голокосту. Зб. наук. ст. / Під ред. М. І. Тягло. Дніпропетровськ; Запоріжжя: Ткума, 2004. С. 106-107.

¹⁷ Комиссия по составлению хроники Великой Отечественной войны. Стенограмма беседы с тов. Пекер Соломоном Абрамовичем. Киев, 1 марта 1944 г. ЦДАГОУ. Ф. 166, оп. 3, спр. 245, арк. 3-6.

¹⁸ Отчет Киевского подпольного горкома КП(б)У. Державний архів Київської області (далее – ДАКО). Ф. П-4, оп. 2, спр. 1, арк. 139.

¹⁹ Стенограмма информации Петрушко Брониславы Ивановны. 29 февраля 1944 г. ЦДАГОУ. Ф. 1, оп. 22, спр. 366, арк. 80.

²⁰ Підручник з історії: проблеми толерантності. Чернівці: Букрек, 2012. С. 92.

²¹ Курило Т. Сила та слабкість українського націоналізму в Києві під час німецької окупації (1941-1943) // Україна модерна. 2008. № 2(13). С. 125.

²² Клопотовский Ф. А., член подпольной партийной организации на Дарницком ж.-д. мосте. 8 мая 1946 г. ДАКО. Ф. П-4, оп. 2, спр. 10, арк. 3-4, 7.

²³ Стенограмма информации Лазебного Анатолия Николаевича. Киев, 27 апреля 1944 г. ЦДАГОУ. Ф. 1, оп. 22, спр. 360, арк. 14.

²⁴ Протокол № 28 заседания бюро райкома КП(б)У Железнодорожного района г. Киева от 2 июля 1945 г. ДАКО. Ф. П-4, оп. 2, спр. 86, арк. 15.

²⁵ Постановление бюро Сталинского РК КП(б)У от 14 ноября 1945 г. Утверждение отчета о работе подпольных партийных и комсомольских организаций, действовавших в период немецкой оккупации в Сталинском районе города Киева за период IX.1941 г. - XI.1943 г. ДАКО. Ф. П-4, оп. 2, спр. 266, арк. 28.

²⁶ Стенограмма беседы с тов. Подвласовым Александром Владимировичем (продолжение). Киев, 4 марта 1947 г. ЦДАГОУ. Ф. 166, оп. 2, спр. 347, арк. 13-15.

²⁷ Стенограмма беседы с тов. Груздовой М. И., прибывшей из г. Киева, 6 мая 1943 г. – ЦДАГОУ. Ф. 1, оп. 22, спр. 14, арк. 52.

²⁸ Стенограмма информации Гурской Марии Яковлевны, связной Киевского подпольного горкома КП(б)У. Ворошиловград, 28.04.1942 г. – ЦДАГОУ. Ф. 1, оп. 22, спр. 353, арк. 103.

²⁹ Маслов, зам. начальника отдела управления НКГБ УССР. Справка по расследованию причин провалов партийного подполья в гор. Киеве и областях УССР. Киев, 5 мая 1945 г. ЦДАГОУ. Ф. 1, оп. 22, спр. 11, арк. 119-120.

³⁰ Информация о пребывании на оккупированной немцами территории Загорного Бориса Александровича 29.5.1944. ЦДАГОУ. Ф. 1, оп. 22, спр. 355, арк. 95.

³¹ Стенограмма беседы с тов. Груздовой М. И., прибывшей из г. Киева, 6 мая 1943 г. ЦДАГОУ. Ф. 1, оп. 22, спр. 14, арк. 14-15.

³² Стенограмма информации Перевертуна Петра Ионовича за время пребывания на оккупированной территории. 4 мая 1944 г. ЦДАГОУ. Ф. 1, оп. 22, спр. 364, арк. 10-22, 25-28.